

Дорогу осилит идущий

Размышления о книге Валерия Писигина
«Путешествие из Москвы в Санкт-Петербург».

Писать о книге, в которой на нескольких страницах встречается твое имя, нелегко. Но книга так необычна и близка мне по сути своей, что не поделиться своими мыслями с дорогими моему сердцу новоточками (*так издревна называют жителей Торжка*) я просто не могу.

Главные её герои – Дорога и Время, а в том Времени есть МЫ, живущие на магистральной оси России, бывшей «государевой», почтовой, в недавнем прошлом орденоносной автомагистрали между двух столиц – пульсирующих точек огромного целого.

Знаю я Московско-Петербургский тракт от начала до конца: в свое время почти десять лет собирала материал для своей книги о путешествиях А.С.Пушкина по этой столбовой дороге России. И вдруг жизнь сводит меня с Валерием Писигиным и его удивительным замыслом – проехать по старому почтовому тракту «вместе» с А.Н.Радищевым и А.С.Пушкиным, держа на коленях две книги: «Путешествие из Петербурга в Москву» первого и «Путешествие из Москвы в Петербург» второго. Читать их, сопоставлять, смотреть, думать, встречаться с людьми и обстоятельствами – одним словом, пожить на этой большой Дороге, а потом написать книгу.

Автор будущей книги, как я поняла при первом знакомстве, хотел оглянуться назад и в то же время понять, что же нас ждет впереди, – сверить часы беспристрастного Времени...

Прошло семь месяцев – и книга уже лежала передо мной. На обложке – придорожный осенний пейзаж с указателем «Раёк-3». Заглавие классически просто и, на первый взгляд, рискованно: «Путешествие из Москвы в Санкт-Петербург»... Заметим отличительную от великих спутников деталь – «Санкт-Петербург»: камертон автора издал звук современности – тогда, лет двести-сто пятьдесят назад, говорили проще – «Петербург», а то и совсем по-домашнему – «Питер».

В первые раз я взяла книгу в руки месяца два назад. За это время «Путешествие» Валерия Писигина я прочла трижды, срезая пласт за пластом, открывая для себя глубину мысли и душевных страданий – страданий всех: и тех, кто живет на этой Дороге, кормящей, казнящей и расставляющей их по сторонам своей обочины, и того, кто писал книгу кровью сердца...

Когда читаешь её, то кажется, что все время находишься в толпе, хотя автор подчеркивает мысль о безлюдности мест – то раннее утро, то поздний вечер, то просто быть тут некому по причине тихого, скорбного умирания многих сел и деревень.

Читая, я невольно слышала какой-то неуправляемый хор голосов – эхо, наверное, тех разговоров, которые вел путешествующий автор со случайно встреченными и в деревнях, и в городах. Но действительно ли они были случайными на его пути? Неужели он просто потом всё «сгреб» в кучу и выплеснул на страницы книги, шаг за шагом, как шёл, и из случайных мазков сам по себе получился портрет Времени, у которого такое неуловимое, такое бесформенное и даже страшное лицо? Только со второго захода я поняла, как сложна, тщательно обдумана архитектоника книги, как строен её внутренний план.

Случай, бог-изобретатель, – лишь внешнее проявление композиции, видимая «сцепка» событий. В основе книги лежит predeterminedенная закономерность: еще выезжая из Москвы, автор, думаю, знал, ЧТО он увидит. Внутренним взором он должен был видеть это еще за письменным столом. Большой незаурядный жизненный опыт публициста и политика подготовили его к восприятию потока жизни в вечно меняющемся русле Дороги, которая была как бы срезом *жизни* во всех её проявлениях. Конечно, автор знал, *как* и *где* он будет искать случай, вернее, внешнее проявление его. Единственное, пожалуй, чего он не знал, так это – в *каких* формах, с *какими* нюансами, в *каком* антураже предстанет этот «Господин Случай». Последнее стало самым интересным. Десятки судеб проходят перед автором и читателями: пенсионеры, едва сводящие концы с концами; энергичные директора школ и заведующие больницами; библиотекари – живые души сельского прогресса, хранители истории сел и деревень; учителя, сеющие доброе, вечное, а чаще – просто люди, сбившиеся с круга, латающие свою жизнь, как прохудившуюся одежонку, – обыватели, как сказали бы о них во времена А.С.Пушкина.

Тени великих классиков Писигин беспокоил нечасто, но зато по самым ключевым, важным вопросам. Это и понятно: современная действительность давала такой простор для «ума холодных наблюдений и сердца горестных замет», что резкие всплески гнева Радищева действительно стали казаться риторикой – «недутыми», по выражению Пушкина, который тоже «беседовал» со своим предшественником.

Душа современного читателя, путешествующего вместе с Писигиным, содрогнется не от ужасов крепостного ПРАВА, а от жуткого, ставшего нормой БЕСПРАВИЯ, которому мы теперь дали название БЕСПРЕДЕЛ, «освятив» его безропотной покорностью у избирательных урн – жаловаться нам как будто бы и не на кого...

И люди живут – торгуют! – на привычной Дороге всем, что бог дал и что пошлет счастливый случай. Продадут ведро картошки или клюквы – и рады: день прожит не зря. Порой и другой товар идет в ход – страшный рынок всё перемелет... Вот только одно непродажно – ДУША да СОВЕСТЬ, у кого она есть, в отличие от тех, кто потерял её где-то в длинных коридорах власти или, может, безвластия...

Встречи, встречи... – штрих за штрихом в беспощадной картине нашего Времени. Они не утомляют читателя, потому что их итогом становится умная, горькая – действенная! – публицистика, размышления автора, не ставящего себя над людьми. Он – один из них, хотя судьба и поднимала его высоко, но ведь оттуда и вниз смотреть страшнее...

Что же становится предметами авторских размышлений?

Положение жителя на селе, где теперь ни колхозов, ни совхозов, а если они и есть, то горе одно. Разочарование фермеров – новых хозяев на селе, из-под ног которых выбивают почву. Проблемы малых российских городов, теряющих своё вековое лицо. Современное состояние армии, которую саму надо защищать. Трагические судьбы тех, кто оказался втянутым в чеченскую бойню. Бедственное состояние нашей культуры – Золушки государственного бюджета. Разрушение семейных устоев, когда трещина, обусловленная общественным состоянием нравственности, пролегла через сердце каждого... Жизнь и смерть, любовь и ненависть, добро и зло. И еще многое из того, что составляет нашу боль. И, быть может, самое главное из всего – это

поиск основы, на которой можно построить спасительную обитель духа, выпестовать человеческую идею, ради которой стоит жить.

Дорогу к этой обители (к Храму, где есть Высшее начало!) осилит идущий, только бы не стоять – не топтаться на месте...

Об этом и говорят с автором-путешественником те, кто живет на Дороге – их малой родине, где всё рушится, всё жаль до боли сердечной... Но не побежишь отсюда – здесь всё кровное, от пращуров, здесь рождались – здесь и выживать.

Глазом публициста Валерий Писигин проводит отбор собеседников – и почти не ошибается: наверное, отсюда и идет какая-то особая доверительность даже в сиюминутных разговорах. Человек ему интересен сам по себе, но особенно тот, кто еще жив духом, ищет дела, мыслит и страдает. Жизнь кончается, когда мы перестаем любить и страдать. Это не парадокс: страдание – одно из наивысших проявлений бытия духа. Страдаю – значит еще чего-то *хочу*, с чем-то *не могу согласиться*. Только вот страшно, когда народные страдания не хотят видеть те, кому мы вручили свои судьбы. Они и именуют нас холодным и чужим словом – «электорат»...

А мы – живущие на главной дороге, где «так густо замешана отечественная история», – одна большая семья, хотя географически можем быть отдалены друг от друга на 500 верст. У нас одна судьба, одна история.

Но с историей у автора прелюбопытные отношения. И порой долго размышляют над этим читатели.

Писигин не ставит перед собой цель – писать путеводитель. Мера исторической (справочной!) содержательности сознательно predetermined: она есть мера наших исторических представлений о месте, где мы живем. И порой оказывается, что мы «ленивы и нелюбопытны», говоря словами А.С.Пушкина. Не потому ли так любим Великую императрицу и от нее танцуем – как от печки – в наших легендах и домьслах?! Она у нас и названия дает городам и весям, и дворцы строит там и тут, казнит, милует и капризничает со значением – глядь! Каприз-то на века!

Исторический фон в «Путешествии» – только фон, и автор редко позволяет ему доминировать: это будет только там, где История – действующее лицо, как, например, в главе «Новгород». Хотите узнать, что? где? когда? – берите другие книги. У Писигина будет *Почему? И Зачем?*

23 главы в книге «Путешествие из Москвы в Санкт-Петербург», включая предисловие и послесловие (в том числе со знакомыми твоякам названиями: «Завидово», «Городня», «Медное», «Раёк», «Горжок», «Выдропужск» и «Вышний Волочек»), – это ступени познания мира и нашего бытия, двадцать три круга... нет, не ада, но часто преддверия его.

Чем и как, а может быть, и *зачем* живут люди в центре страны – не в тундре, не в дебрях – в сердце России, под крылышком двух столиц, рядом с сильными мира сего? Знают ли они? Ведь по «государевой» дороге они не ездят – да и государя ныне нет (впрочем, в царственные тоги многие уже пробовали рядиться, да тяжела ты, шапка Мономаха!), так что теперь они из окна кареты подданных не видят...

«Путешествие» Писигина – это меньше всего путевые заметки. Заметки предполагают, как показывает опыт, мимолетный, скользящий, иногда просто любопытствующий взгляд. Здесь же *мысли в пути*, поиск, исследование, анализ своего века, разговор с «героями нашего времени» – читатель получает объективную истину из их уст...

Пересказать книгу невозможно. Как перескажешь медленное, поступательное продвижение в глубь Отечества нашего? Как перескажешь диалоги-размышления, живопись словом, тончайшие оттенки интонаций, акцентов, делающих «музыку» человеческих откровений? Заметим: в орбите этих размышлений «душ мертвых» нет. Все, даже лишенные всех благ существования, уставшие, – не трава, которая безучастно растет на ветру истории: они мыслят здраво, саркастически прицельно, они способны не только на горестное сетование или злость, но и на поиск выхода из бедственного положения, на беззлобную усмешку или самоиронию.

Чего стоят два мужичка в главе «Крестцы»? Они продают «за доллары» (!) старинную прялку. Всё идет с молотка! Ведь эта прялка обряжала не одно поколение больших и маленьких. Когда-то такая колесная штука была мерой достатка в крестьянском доме. А теперь её «для интерьера» купил горожанин – так, прихоти ради. Вещь потеряла свою душу, хозяйскую надобность.

Кажется, все в этом эпизоде прошло так весело – хохочут мужичонки, вспомнив к слову свою деловую докторшу, недавнюю их начальницу, когда-то, видно, испытавшую на одном из них силу лекар-

ственной власти! Но автор знает, что неторопливый читатель его поймет: идет невеселое «расхлябывание», утрата того, что было частью Дома, частью его души, собственностью, цена которой – жизнь...

Страшным огнем горят церкви, разваливаются избы, без окон и дверей стоят вчерашние фермы, чертополохом равнодушия и бесхозяйственности зарастает земля-кормилица... Но страшнее всего этот «чертополох» в наших душах, ставших бесплодными, не способными родить мысль во спасение, обрести дело.

Трудовая Россия исчезает на наших глазах! – слышится голос десятков свидетельствующих на суде Времени, где нет защитников. Это должны понять все: и те, кто бумажно трудится над реформами, и те, кто вкусил плоды скороспелых «обновлений», оборачивающихся если не бедой, то развалом. Нет бани в большом селе, закрыты кино-театры, не слышат ребячьих голосов детские сады, редко кто из жителей – настоящих тружеников – строит себе дом (а как мечтает о нём девочка Наташа из села Едрово!), нет работы молодым и здоровым. Подумать только: ведь на этой дороге двести лет назад Радищев плакал над крестьянской долей – рабской жизнью без роздыха от работы! А теперь работы нет там, где её непочатый край! Какие жуткие парадоксы! Но мы к ним **привыкаем!**

Да, всё неладно в нашем «королевстве» – «порвалась связь времен»!.. Россия во мгле... НОВО ли это? И надо ли было писать еще одну книгу о нашей общей беде?

Если бы Валерий Писигин в этой мгле не увидел живых, немеркнущих огней – не надо. Но в книге есть отрадное (как ему умеет радоваться путешественник!): лечит людей, строит вокруг себя мир божий заведующая детской больницей в Городне; пишет историю села библиотекарь из Зайцева; ищет спасение в работе директор школы из Выдропужска; находят в себе силы обустроить жизнь сельские старосты на новгородской земле; поёт с детьми, множит красоту в мире милая сельская учительница в Яжелбицах, взвалившая на свои плечи груз административных работ, и еще десятки тех, кто творит вокруг себя свою маленькую трудовую страну...

Российские женщины... Матери, жены, хозяйки, кормилицы, любимые и любящие...

– Могли бы ведь с ними и не встретиться, проехать мимо, – скажет кто-то.

Нет, не могли, потому что они – наша Вечность, наше спасение, оплот малого и большого Дома.

Жива Россия, хотя и больна. Кто её вылечит? «Бог, царь или герой»? Кого ждете, кого впустите в свою душу – тот и поможет вам...

Но скорей всего – поможем себе мы сами.

Помните, у Льва Николаевича Толстого в «Войне и мире», перед Бородинским сражением, мужики-ополченцы говорят Пьеру: «Всем миром навалиться хотят...»? Нам бы только этот МИР собрать да выстоять...

Книга Валерия Писигина помогает очнуться, идти к Миру, где каждый, песчинка малая, нужен в океане Вечности.

Злая или добрая книга – это «Путешествие»?

Кто-то говорит: злая! А я скажу – добрая. Потому что пишет Писигин, чтобы помочь нам прозреть, обрести Бога, оглянуться окрест, протянуть руку помощи ближнему, коль у государства (у власти!) нет доброй руки, нет закона, который бы защитил самого слабого в его тихой и совестливой любви, в неумении «с волками жить». Он хочет, чтобы мы встали с колен и соединились в творящее, разумное целое, чтобы у нас хватило сил и желания спасти КРАСОТУ земли, души нашей и свободной мысли – ведь с них начинается отечество. Не будет этого – не будет нас, не будет будущего...

Есть в главе «Новгород» удивительный эпизод. Путешественник приложил ухо к стене храма в новгородском Кремле и «услышал глухой, протяжный, далекий, идущий откуда-то снизу гул...» Гудела, словно колокол, Вечность – в добре и зле, в вере и безверии, в отчаянии и надежде.

Гудит, гудит колокол – бессонный страж в ночи духовного разобщения. Слушайте, люди добрые: никогда не закончится Великое НАД нами! – словно будит нас книга, выводит из равнодушного забвения.

«Что можно было противопоставить абсолютному, бесчеловечному произволу *сверху* и дикому покорству, в сочетании с безумной ненавистью *снизу*? Смелость Радищева? Любовь Пушкина? Правду Достоевского? Совесть Сахарова?.. Это не ими ли отзывается печальное эхо вичевого колокола?»

Это голос автора, звучащий почти с последних страниц книги. Мы подошли к концу, хотя это не конец путешествия во времени и пространстве. Кто следующий пойдет по этому пути самопознания? Пойдет, так же страдая и радуясь, изливая гнев и зорко оглядываясь в наше **сегодня**, как это сделал Валерий Писигин? Кто? Может быть, он уже собирает свою котомку – и в путь к самому себе?..

Вот и закрыли мы книгу. Она словно вложена в раму: начал автор с посвящения дорогим людям – «светлой памяти моих бабушки и дедушки» – и закончил обращением к ней же, бабушке, ушедшей из мира живых, но не из его Памяти. Начиная первое слово посвящения, он брал на себя груз великой ответственности перед теми, кто БЫЛ до него. Как бы и жить ему, если бы оплошал?

Слава Богу – видно, груз был по плечу! – сказал Валерий Писигин то, что хотел, честно, бесстрашно, талантливо.

«Потомство судит: оно нелицемерно!» – это у Радищева.

«Мысль! великое слово! Что же и составляет величие человека, как не мысль? Да будет же она свободна, как должен быть свободен человек», – это у Пушкина.

«Почему же у нас – зерно гибнет и плода не приносит?

Что же, как не деспотическая власть, сделал эти Истины вовсе не истинами у нас, – рассуждает Писигин об одном из постулатов Священного Писания. – Она (власть), вместе с выпитой людской кровью, иссушила ещё и человеческую душу, и этим омертвила почву, на которой могли бы произрасти, словно пшеничные зерна, лучшие качества, данные человеку Богом», – так завершает автор, может быть, одно из своих самых горьких и сильных откровений в главе «Новгород».

Книга помогает обрести свободу мысли и, если хватит, как у автора, силы духа и гражданской смелости, – свободу Слова.

А «Слово – тоже Дело...»

Кашкова В. Дорогу осилит идущий // Новоторжский вестник. –1997. – 22 июль. – С. 2 ; 25 июля. – С. 2.

Размышления о книге Валерия Писигина «Путешествие из Москвы в Санкт-Петербург».